

РЕГИОНЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье рассматривается влияние современных геополитических процессов на геополитическое положение России и ее регионов. С точки зрения геополитического подхода анализируются основные региональные вызовы и угрозы Российской Федерации, обосновывается необходимость учета в федеральной политике этногеополитической конфигурации российских регионов на современном этапе.

Распад Советского Союза и появление на его территории новых государственных образований резко изменили положение российских регионов. Более половины субъектов Российской Федерации, пять из шести крупных ее геоэкономических регионов стали пограничными. В них проживает 43,1% населения России. При этом около 50 народов в той или иной мере можно определить как «разделенные», так как их

представители живут по обе стороны государственной границы¹. Субъекты Российской Федерации все более активно стали включаться в прямые отношения с сопредельными иностранными регионами, что находит отражение в институализации трансграничного сотрудничества по всему периметру российских границ. Регионы представляют Российскую Федерацию на переговорах в ближнем и дальнем зарубежье, заклю-

---

чают соглашения по многим аспектам совместной политической, экономической и культурной деятельности.

Можно выделить регионы, имеющие благоприятные перспективы для налаживания всестороннего сотрудничества с соседними странами — регионы Балтийского, Баренцева и Черного морей, а также Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). В них уже накоплен определенный опыт, имеется институциональная поддержка в виде таких региональных организаций и инициатив, как Северное измерение Общей внешней и оборонной политики ЕС, Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Баренцев-Евроарктический совет (БЕАС), Арктический совет (АС), Черноморский экономический совет (ЧЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Азиатско-Тихоокеанский экономический совет (АТЭС), Региональный форум АСЕАН и пр.

Необходимо отметить еще одно важное общеевропейское начинание — создание еврорегионов, объединяющих муниципальные власти приграничных районов соседних стран с целью развития программ регионального экономического планирования и транспортной инфраструктуры. Так, с 1998 года Калининградская область принимает участие в работе Балтийского еврорегиона, куда входят муниципалитеты Польши, Литвы, Латвии, Швеции и Дании. Возможно участие Калининградской области еще в двух еврорегионах — Неман и Сауле, но их создание тормозится по причинам политического и финансово-экономического порядка.

Российские регионы принимают активное участие в работе таких субрегиональных организаций, как СГБМ (Калининградская, Ленинградская и Новгородская области, Карелия), а также БЕАС (Карелия, Мурманская и Архангельская области, Ненецкий автономный

округ). В основном сферы межрегионального сотрудничества включают в себя экономику, транспорт, туризм, экологию, здравоохранение, подготовку и переподготовку государственных служащих и предпринимателей, высшее образование, культурно-информационный обмен, контакты между родственными народами и сохранение самобытности малых народов².

В связи с этим изменилась и сама структура федеральных органов власти: в большинстве крупных городов и регионов открылись представительства МИД, министерства внешнеэкономических связей, Таможенного комитета, пограничной службы и пр.³. К тому же, все регионы Российской Федерации стали непосредственно зависеть от мировой экономической конъюнктуры, о чем выразительно свидетельствуют последствия мирового финансово-экономического кризиса 1998 года.

Многие региональные компании сегодня все активнее выступают как транснациональные структуры, имея четко выраженную стратегию на геоэкономическую деятельность. Поэтому идет процесс формирования на территории России крупных промышленно-финансовых ареалов, включающих значительное количество регионов, имеющих общую рыночно-отраслевую ориентацию, как правило, с широким спектром экспортных производств и финансовых контактов с зарубежными партнерами. К таким ареалам (независимо от административного деления на федеральные округа) относятся:

- группа северных регионов, ориентированных на нефтегазодобывающие производства, в которых работают корпоративные образования данной ориентации (ХМАО, ЯНАО и др.);
- группа северо-западных регионов, ориентированных на лесопереработку

(Республика Карелия, Архангельская, Вологодская, Ивановская и другие области);

- группа дальневосточных регионов (Иркутская область, Хабаровский и Красноярский края и др.);

- группа приморских регионов, ориентированных на рыбодобычу и рыбопереработку (Камчатка, Сахалин, Приморское и др.);

- старопромышленные регионы Центра России (Воронежская, Нижегородская, Ульяновская области и др.).

Практически речь идет о процессе формирования определенных геоэкономических рыночных ареалов, которые в будущем окажут существенное влияние на административно-территориальную конфигурацию государственного устройства России. Крупные геоэкономические ареалы с выходом на транснациональные воспроизводственные системы, включившиеся в глобализационные процессы, будут определять стратегию развития России уже к середине XXI века⁴.

В пограничных регионах близость к границе стала отражаться на менталитете людей, укладе и традициях местного сообщества. Идет ассимиляция, развиваются общественно-политические, торгово-экономические, культурные связи, перенимаются иностранные нормы и правила⁵. Из 14 тыс. чел., населяющих сегодня Печорский район Псковской области, около трети уже имеют эстонское гражданство. Некоторые молодые печеряне, получив паспорта, уже успели отслужить в эстонской армии. Объективно естественным союзником Эстонии в Печорах является народность сету. Внезапно из небытия может выйти так называемое королевство Сетомаа, естественный, но разделенный государственной границей ареал проживания этой народности⁶.

По всему периметру государственной границы Российской Федерации сопредельные государства имеют территориальные претензии к Российским регионам, что затрагивает политическое сознание и поведение субъектов Федерации. Их деятельность приобретает все большее геополитическое звучание. В настоящее время законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации стали выступать с целой серией политических заявлений и обращений в адрес Президента, Правительства, Федерального собрания Российской Федерации по вопросу сохранения целостности российской территории. Так, Законодательное собрание Краснодарского края своим постановлением от 23 ноября 2004 года приняло Обращение, в котором отмечается: «Депутаты Законодательного собрания Краснодарского края выражают протест против начавшейся с 1989 года раздачи российских земель, акваторий морей сопредельным странам. В 1989 году М. С. Горбачевым и Э. А. Шеварднадзе в одностороннем порядке было передано США около 150 тысяч квадратных километров континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. Следующая в очереди на получение российских территорий — Япония... Декларация о суверенитете России от 12 июня 1990 года (статья 8) гласит: «Территория России не может быть изменена без волеизъявления народа, выраженного путем референдума». Принимая во внимание вышеизложенное, а также то, что передача указанных территорий влечет за собой потерю для России огромных рыбных ресурсов, редких полезных ископаемых, учитывая стратегическое положение данных территорий и необходимость прекращения ревизии итогов второй мировой войны, предлагаем на предстоящих переговорах с Японией не-

---

укоснительно следовать положениям Конституции Российской Федерации в части сохранения целостности и неприкосновенности территории России»⁷.

Мурманская областная Дума в своем постановлении от 7 декабря 2004 года приняла Обращение к Президенту Российской Федерации В. В. Путину, Председателю Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации С. М. Миронову, Председателю Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации Б. В. Грызлову, законодательным (представительным) органам государственной власти субъектов Российской Федерации. В Обращении отмечается: «Депутаты Мурманской областной Думы выражают глубокую тревогу в связи с недавней уступкой КНР российских приграничных островов на реке Амур. Территории, исконно принадлежавшие нашему государству, переданы другой стране в одностороннем порядке, без какого-либо согласования с народом Российской Федерации, который по Конституции Российской Федерации является носителем суверенитета и высшей власти.

Известно, что в настоящее время все сопредельные государства, пользуясь серьезным ослаблением России, предъявляют к ней свои территориальные притязания. Особенно остро стоит вопрос о претензиях Японии на Курильские острова. Руководитель российского дипломатического ведомства уже заявил о готовности Москвы совершить подобный шаг. Уверены, что заключение так называемого «мирного договора» с Японией, составной частью которого является передача ей островов Курильской гряды, вызовет цепную реакцию со стороны других соседних государств, уже сегодня заявляющих о территориальных спорах с Российской Федерацией.

Президенту необходимо помнить, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, а высшим непосредственным выражением власти народа является референдум. Вместе с тем Президент Российской Федерации является не только главой государства, но и гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности. Поэтому, исполняя свои функции, Президент Российской Федерации обязан руководствоваться нормами Конституции Российской Федерации, которые гласят, что Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории, при этом федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации.

Депутаты Мурманской областной Думы целиком поддерживают обращение Сахалинской областной Думы к Президенту Российской Федерации, в Совет Безопасности, Федеральное собрание Российской Федерации от 11 ноября 2004 года по данному вопросу и требуют от федеральных властей ясного и четкого заявления об обеспечении территориальной целостности Российской Федерации. Сохранение России — священный долг каждого ее гражданина, святая обязанность перед будущими поколениями. Никто не имеет права без согласия народов Российской Федерации передавать ее территорию другому государству. Мурманская областная Дума обращается к Федеральному собранию Российской Федерации с предло-

---

жением о конституционном закреплении вопросов передачи территории Российской Федерации только посредством референдума Российской Федерации»⁸.

Угрозы экономической, демографической, информационно-культурной экспансии государств, ТНК на российскую территорию сегодня локализуются не только в пограничных регионах, а распространяются на все субъекты Федерации.

Регионы России являются полем целенаправленной экспансии и отработки разрушающих геополитических технологий. Сегодня на международной арене чрезвычайно активно используются технологии десоверенизации, не позволяющие задействовать традиционные государственные структуры и механизмы для защиты геополитических интересов. Проекты, предлагаемые Западом для внедрения в Россию, имеют явно выраженный деградационный характер. Так, проект «Открытое общество» является основой легитимного замещения коренного российского этноса мигрантами. Проект «Открытая экономика» является прикрытием поглощения национальной экономики западным спекулятивным капиталом. Все инициативы и проекты в области сокращения вооружений (и потенциалов) являются легитимной основой саморазоружения России и утраты ею своего национального оборонительного потенциала⁹.

Запад вплотную приступил к «освоению территорий» российских регионов в рамках своих антитеррористических действий. Террористические акты будут только способствовать предъявлению России западных условий «взаимного патрулирования и охраны» пространства конкретных регионов. Из-за событий на Украине, вызванных выборами президента, как считают исследователи, стала реальной опасность новой «холодной

войны». Она таится, замечает известный американский политолог С. Коэн, в двух проявлениях политики США в отношении России: во-первых, окружением всей страны американскими и натовскими военными базами; во-вторых, растущим американским политическим влиянием в Восточной Европе и даже в ближнем зарубежье России. Пока, по С. Коэну, это не «железный», а «мягкий занавес». Но в любом случае, на его взгляд, можно говорить о том, что вокруг России разворачивается заслон американской военной мощи и влияния¹⁰. Сейчас поэтому чрезвычайно важны целенаправленные действия неправительственных, общественных организаций приграничных регионов на сопредельных территориях.

Особый характер имеет региональная структура российского государства. В его составе 89 субъектов Федерации: 21 республика, 49 областей, 6 краев, 10 автономных округов, одна автономная область, два города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург), более 12 тыс. муниципальных образований. В 2000 году Указом Президента РФ были образованы 7 федеральных округов.

Российские регионы отличаются большими территориями, значительно превосходящими территории многих государств мира. Так, территория Тюменской области составляет 2,5 территории Франции, три с лишним — Испании, четыре — Японии и т. д. Расстояние от Тюмени до северных окраин области равно расстоянию от Тюмени до Москвы. Политико-географические образы российских регионов соизмеримы геополитическими образами многих государств мира. Российское пространство воспринимается во многом как самостоятельный и весьма важный властный ресурс. Управленческие решения, законы достигают периферии лишь через

определенное, иногда очень значительное время и часто — уже с определенными искажениями и интерпретациями. Такие остро осязаемые периоды безвластия, «провисания» властных отношений означают на деле, что само пространство от центра до окраины, от столицы до границы является, по сути, своеобразным политическим актором¹¹. Не случайно географическая самоидентификация регионов имеет четко выраженную геополитическую составляющую.

Россия состоит из регионов, представляющих не только различные культурные и конфессиональные уклады жизни, но и различные типы русской цивилизации¹². На территориальную поляризацию накладывается цивилизационная: российская деревня в массе своей живет едва ли не на уровне «бытовых условий средневековья», провинциальный город зачастую воспроизводит нравы XIX столетия: а «продвинутые» жители столиц и индустриальных центров ощущают себя современниками эпохи постмодерна. Как считает депутат Государственной Думы А. Митрофанов, «налицо и территориальное размежевание. Так, Москва оторвалась от остальной страны и превратилась в европейское государство. Как в космос улетела. Это совсем другой мир, иная психология, страна другая»¹³. В этих условиях регионы не могут не отторгать Центр, результатом чего является первоначально двойная (по удаленности и от власти) периферия, перерастающая затем во множественную периферию (от власти, от финансов, от науки и культуры и т. д.). Разрыв прямых и обратных связей приводит к разрыву интересов Центра и остальной территории¹⁴. В связи с этим усиливаются процессы ослабления национальной идентичности жителей в регионах, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, что придает новый им-

пульс возрождению идей о Дальневосточной республике. В общественном сознании этих регионов не исключается возможность «отхода» Чукотки и Камчатки к Америке. Такие процессы способствуют росту регионального сепаратизма в стране.

К имущественному расслоению и территориальному размежеванию граждан добавляется своеобразная экономическая дифференциация регионов. Из них только 10 являются донорами. «Полагаю, — заявляет член Совета Федерации В. Кадохов, — такая ситуация сложилась в первую очередь из-за отсутствия вменяемой региональной политики. Сегодня невозможно понять, на каком принципе строятся отношения Центра с регионами. На региональном, на отраслевом ли, на каком-то ином? Неясны приоритеты, причем вхождение России в мировую экономику, в частности вступление в ВТО, еще больше усложнит ответ на поставленный здесь вопрос»¹⁵.

В связи с этим актуализируется региональная установка с точки зрения наследия сибирских областников: «Чем обширнее территория, тяготеющая к одному центру, тем остальное пространство обездоленнее и пустынное в культурном и духовном отношении. Единственное спасение окраин от опустошающего действия централизации заключается в учреждении областных дум с передачей им распоряжения местными финансами»¹⁶.

По мнению В. Цымбурского, высказанному на конференции «Российский геопроект. Стратегическая матрица Урала», на европейском пространстве будут разыграны важнейшие военно-стратегические и геоэкономические сценарии начала века. Поэтому для России жизненно важно сохранить коммуникационный центр. Сделать это можно за счет

усиления Урало-Сибири, «подлинного геополитического сердца» России¹⁷.

В стране сегодня именно регионы, а не партии выступают главными политическими субъектами. Региональный фактор частично компенсирует незавершенность институционализации партийной системы, формирования социальных общностей (классов, других социальных групп), способных самостоятельно артикулировать свои политические и экономические интересы. Поэтому в отношении регионов актуальны слова А. Хаусхофера: «Геополитика определяет взаимоотношения между окружающим человека пространством и политическими формами жизни»¹⁸.

Видимо, нам надо осознать, что Россия как государство в годы смуты и безвременья выжила, прежде всего, благодаря региональной элите. В этот период Россию спасла провинция. Многие лидеры национальных республик и руководители российских регионов стали центром консолидации населения провинциальной России в годы глубочайших социально-экономического и политического кризисов¹⁹.

В современной России регионы обрели большой политический вес и влияние. В них идет процесс формирования своей системы политического управления, которая, с одной стороны, отражает общие тенденции развития политических процессов в стране, а с другой стороны, имеет политические типологические особенности. На формирование региональных элит в постсоветской России оказали большое влияние фонды Макартуров, Карнеги, Форда, Аденауэра, Эберта, Фольксвагена, программы АЙРЕКС, АСПРЯЛ, Британский совет, Комиссия Фулбрайта и др., что свидетельствует и о международной составляющей региональных политических процессов²⁰.

Доминантные особенности региона, требования социально-экономической политики делают его потенциальным субъектом политических интересов и втягивают в борьбу разнообразные политические силы. Происходит становление политической регионалистики как относительно самостоятельной отрасли научного значения.

Субъекты Российской Федерации отличаются исключительно выраженным полиэтничным составом субэтносистем, относящихся к различным типам цивилизаций. Не случайно, генофонд России уникален. По данным ученых Института общей генетики РАН, на территории бывшего СССР находится половина мирового генетического разнообразия. По этому показателю Северная Евразия лидирует среди других регионов мира²¹.

Следует также отметить, что на территории России проживает 26 так называемых «малочисленных народов Севера». Коренные народы Севера — это дезинтегрированные этнолингвистические общности, для которых характерна хрупкая демографическая плотность, дисперсность расселения, слабая внутриэтническая коммуникативность. Находясь в сверхэкстремальных условиях, малочисленные народы создали очень специфические культуры и системы адаптации к этим условиям и представляют уникальную циркумполярную цивилизацию²². В межцивилизационных зонах России располагаются региональные трансплантаты. Они, как правило, конфликтны и часто сочетают свойства трансфертов²³.

Кроме того, идет активная миграция в российские субэтносистемы значительных групп этноэлементов, относящихся прежде всего к Восточно-Исламской цивилизации, что значительно усугубляет этнополитическую ситуацию в регионах.

Так, в современной России, по приближительным данным, проживает свыше 300 тысяч афганцев. Из них почти половина — нелегально. Российская афганская диаспора по численности занимает третье место в мире²⁴. Она очень чутко реагирует на нестабильную ситуацию в Центральной Азии и на Кавказе. Следует также отметить, что Северный Кавказ в геополитическом смысле представляет собой средоточие пространств нескольких цивилизаций. Этническая мозаичность этого региона — результат постоянной борьбы народов за сохранение своей идентичности в условиях постоянного геополитического воздействия извне. Не случайно именно здесь в 90-е годы XX века активно шла политическая институализация конфликтности. Северный Кавказ (девять регионов России — семь республик и два края, в которых проживает 12% населения страны) до сих пор еще претендует на роль «российской Югославии»²⁵.

Геополитической миной для Российской Федерации стала Чечня. Политическая нестабильность и конфликтность характерны и для других республик Северного Кавказа. Не стихают междоусобные разборки в Дагестане, где очень многие жители поддерживают террористическое подполье и больше помогают боевикам, чем милиции. В некоторых горных селах администрация существует для того, чтобы одобрять решения шариатского суда. В начале 2005 года боевики одного из джамаатов Дагестана «Шариат» обратились к жителям республики «с настоятельной просьбой» прервать охотничий сезон до тех пор, пока Дагестан не будет «освобожден от русских оккупантов». Население республики достаточно внимательно отнеслось к этому заявлению. По мнению отдельных обозревателей, Дагестан еще

не суверенное государство, но уже не Россия²⁶.

Неспособность Центра эффективно решать стоящие перед страной проблемы вызывает как в конце XX, так и в начале XXI века стремление регионов самостоятельно решать свою судьбу и поэтому в политэтнической стране субъектами сепаратических усилий закономерно становятся этноориентированные элиты. Под их влиянием многие бывшие автономные республики в начале 90-х годов легализовали этнократическое понимание принципа этнического самоопределения и стали использовать это для геополитического давления на Россию²⁷. Более болезненно, чем православная русская элита, реагирует на низкую результативность нашего «западного выбора» политическая элита мусульманских субэтносистем²⁸.

Следует также отметить, что особую роль в стране играет татарская субэтносистема и позиция Республики Татарстан. В настоящее время политическая элита республики последовательно идет по пути строительства этнонационализирующегося государства²⁹. Кроме того, в республике идет процесс латентной ваххабизации. Не случайно в 2004 году в Татарстане была обезврежена группа экстремистов, примыкавшая к Исламской партии возрождения.

Сегодня, по утверждению заместителя начальника УФСБ РФ по Республике Татарстан Д. Хамитова, центрами религиозного экстремизма являются Альметьевск с его соборной мечетью, Нижнекамск, Набережные Челны, Елабуга, Чистополь, Кукмор, Агрыз. В двух последних районах экстремисты открыто работают с сельской молодежью, организуя летние лагеря на средства районных администраций. Многочисленные документы свидетельствуют о налажи-

---

вании крепких идеологических и финансовых контактов местных религиозных кругов с Министерством религиозных дел и вакуфов Саудовский Аравии, с крупными бизнесменами из Кувейта, Ирана, Эмиратов, Алжира. Они беспрепятственно едут и летят в Татарстан целыми делегациями. В Казани появляются советники-иностранцы: по арабским странам — гражданин Иордании, по Турецкой Республике — гражданин Турции. Более двадцати имамов от арабских фондов приглашены для работы в мечети Закамья, а также преподают в Российском исламском университете и в высших мусульманских медресе, которые открыто финансируются этими фондами³⁰. Социологические исследования показывают, что религия не только объединяет, но и разделяет народы. Так, в Татарстане в 1997 году более 87% опрошенных русских ответили, что они чувствуют себя «близкими» и «очень близкими» с татарами, но вдвое меньше — какую-то близость с мусульманами. Среди татар около 96% ощущали «близкими» и «очень близкими» с русскими, но с православными — только 26%³¹.

В настоящее время развитие этнополитических процессов носит нелинейный характер. Эти процессы имеют сложную архитектуру, описание которой некоторыми исследователями предпринята в модели «этнополитического маятника». Циклические колебания этнополитического маятника угрожают целостности страны и единству российского геопространства. К следствиям таких колебаний относится также включение в зоны этнополитической напряженности русских регионов юга России, а также рост ксенофобии в российском обществе³². Отсюда геополитическое значение русской этнодоминанты в регионах как объедини-

тельного стержня междивизиационного взаимодействия российских субэтносистем значительно возрастает. Но в то же время следует отметить, что численность русских сократилась за 12 лет со 130,4 млн до 104,1 млн. Естественная убыль русского населения составляла в эти 12 лет в среднем 1,7 процента в год. Сохранение этой тенденции означает сокращение русских в РФ до 91 млн к 2010 году, до 77 млн — к 2020 году, до 64 млн — к 2030 году, до 55 млн — к 2040 году, до 46 млн — к 2050 году. Сочетание огромного пространства России с ее небольшим и постоянно редееющим населением ставит много вопросов, ответы на которые определяют судьбу страны на многие десятилетия вперед.

Средняя плотность населения в РФ составляет сегодня чуть более 8 человек на 1 кв. км, а на Дальнем Востоке — 1,1 чел. на 1 кв. км. Даже в густонаселенном по нашим меркам Краснодарском крае она лишь немногим превышает 60 человек (в Нидерландах — 389 человек, на Украине — 80). Но и эти показатели неуклонно уменьшаются: население России сокращается почти на 1 млн человек в год. При этом происходит стягивание остающегося населения в крупных городах Европейской части страны и в регионах Южного федерального округа. Оголяются Крайний Север, Сибирь, Дальний Восток, европейская глубинка. Структура остающегося населения меняется в сторону увеличения доли людей старше трудоспособного возраста. В перспективе в полный рост встанет проблема сохранения целостности страны³³.

В то же время, по некоторым оценкам, нелегально проживает в РФ каждый второй китаец и вьетнамец. Число мигрантов возрастает с каждым годом. Если в 90-е годы в РФ ежегодно прибывало в среднем 500–600 тыс. китайцев на

постоянное жительство, то в 2002-м их приехало больше миллиона. При сохранении такой тенденции к 2008 году этот показатель вырастет до 2 млн прибывающих в год. Только за счет миграции при сохранении ее нынешней тенденции и с учетом стабилизации режима миграции, по мнению Е. Гильбо, почетного доктора экономики Дипломатической академии мира при ЮНЕСКО, после 2010 года можно прогнозировать увеличение числа китайцев в РФ до 20 млн в 2010 году, до 40 млн — в 2020 году, до 60 млн — в 2030 году. И так, даже при сохранении абсолютного суверенного контроля русских над территорией РФ, при нынешних миграционных тенденциях число китайцев превысит число русских где-то около 2025 года. Уже сегодня в ряде районов Дальнего Востока китайцы составляют от четверти до половины реального населения³⁴. Близок к такой позиции и А. Соловьев, заведующий кафедрой МГУ, который считает, что к 2008–2012 годам от Урала до Приморья будут проживать порядка 30–40 млн китайцев. Сейчас на этой российской территории проживает 27 млн чел., а по границам Маньчжурии — 138 млн китайцев. При такой демографической ситуации процесс демографической инфильтрации необратим³⁵.

Существует и иная точка зрения на проблему «китаизации» России. Так, А. Ларин, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН считает, что «китайская угроза» явно преувеличивается³⁶. Но, тем не менее, проблема массовой незаконной миграции иностранных рабочих, и особенно китайских граждан, остается для Дальнего Востока острой и актуальной. Пример Чукотки, где уровень иностранных рабочих сейчас достигает 10% от численности местного населения, свидетельст-

вует о миграционных процессах, близких к критическому³⁷.

Стремительный рост могущества Китая с огромным приграничным населением на фоне деградирующей экономики слабонаселенного Дальневосточного региона, возросший интерес КНР к использованию энергетических и других сырьевых богатств Сибири формируют геополитический вызов, получивший название «демографического давления». Не случайно в ходе социологических исследований, проведенных Институтом истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН в 2003 году на приграничных к КНР территориях, 46% респондентов указали на «экспансионистскую политику Китая» в качестве главной угрозы интересам России в АТР, 54% согласились с тезисом о существовании экспансии Китая на Дальнем Востоке. Не верят в китайскую экспансию всего 18% респондентов³⁸. Поэтому одним из ключевых факторов мирового веса и геополитического статуса России остаются ее собственное единство и целостность — политическая, экономическая, социальная, культурная, демографическая.

Не случайно, в аналитических оценках специалистов (в зависимости от их политических пристрастий) ближайшее будущее России определяется неоднозначно, с широким спектром полярных аксиологических и содержательных определений. На страницах ведущих изданий, по телевидению высказываются мнения о том, что, рано или поздно, мы должны будем уйти не только из Чечни, но и со всего Северного Кавказа. В СМИ и на телевидении начала обсуждаться идея о том, что при нынешней демографической ситуации Россия не сможет удержать Сибирь, что придется расстаться с природными богатствами и

этого региона³⁹. По мнению З. Бжезинского, сегодня существуют все предпосылки «для прогрессирующей геополитической экспансии западного сообщества дальше и дальше в глубь Евразии»⁴⁰.

В США отмечают, что в ближайшее десятилетие на первый план выходит борьба за «жизненное пространство» со странами и регионами, где много земли, но относительно мало народу. В определенных кругах Запада муссируется идея «несправедливой» принадлежности России сибирских и северных земель, где пустуют огромные площади, в то время когда рядом, на Японских островах, скученно проживают более 100 млн человек⁴¹.

По мнению известного политолога, президента экспертного центра «Неокон» М. Хазина, возникает угроза существования России как единого государства, раздела к 2025 году ее на три части. Он заявляет: «Картина будет банальная: за Уралом царит Китай, точнее, некое аморфное образование, экономически привязанное к Пекину, с денежной единицей юанем. Аналог Дикого Запада США времен колонизации. То, что западнее Волги, окажется под контролем Европы, соответственно с евро как основной валютой, а все, что южнее, поглотит третья сила — ислам»⁴².

И, по мнению американских аналитиков, бывшая империя будет разделена на четыре основные зоны влияния — европейскую, американскую, китайскую и азиатскую. Правительства новых государств, возникших на месте России, преимущественно будут марионеточными, хотя наибольшей независимостью и благополучием станет, по всей видимости, отличаться европейский регион — точнее, Северо-Запад во главе с Санкт-Петербургом⁴³.

В связи со сказанным, рассматривая возможные сценарии будущего России, исследователи на первое место ставят

угрозу ее распада на самостоятельные государства — регионы. Отсюда в геополитической доктрине современной России особое место должно отводиться вопросам сохранения территориальной целостности государства, поддержания единого нормативного порядка в обществе и реализации синергетического подхода к государственному управлению регионами⁴⁴. Эти задачи связаны и с осуществлением институтами государства аллокационной функции, то есть функции, связанной с созданием так называемых чистых общественных благ («правопорядок», «безопасность»), которые не предоставляются функционированием рынка. При утрате монополии государства на выполнение аллокационной функции усиливаются олигополистические тенденции — отдельные социальные группы становятся «избранными» потребителями этих жизненно важных благ. Так, в 90-е годы на территории, находящейся под юрисдикцией государства, появились конкурирующие и не подконтрольные государству источники насилия и инстанции налогообложения, свидетельствующие о появлении серьезных дисфункций в действиях государства⁴⁵.

Сохранение федерального устройства в конкретном геополитическом пространстве наделяет Центр как носителя российской геополитической конструкции конкретными стратегическими, геополитическими и геоэкономическими полномочиями. Центр в таком качестве берет на себя функции, традиционно свойственные государству. Эти функции ограничивают под давлением внешней геополитической необходимости некоторые федеральные нормы. Ни один субъект Российской Федерации, являясь частью единой российской геополитической системы, не может иметь свою самостоятельную геополитическую мо-

---

дель в процессе скрепления геополитического пространства страны перед лицом обостряющихся угроз.

Заслуживает одобрения само стремление нынешнего руководства страны придти к эффективному управлению российским геопространством. Однако предпринимаемые меры укрепления «властной вертикали» могут привести и к противоположному результату. Фундаментальный закон кибернетики гласит, что, по мере увеличения размеров системы и количества связей между ее элементами, качество централизованного управления всей системой начинает падать. Система становится все менее управляемой, и дальнейшее естественное развитие процесса приводит (также по законам кибернетики) к реструктуризации — в системе возникают «точки концентрации управления», то есть локальные области, узурпирующие (отбирающие у центра) функции управления. Иными словами, централизованно управлявшаяся большая система начинает распадаться на «самоуправляющиеся» части. В некотором смысле этот процесс можно трактовать как появление «инстинкта самосохранения» системы — во избежание распада из-за потери управляемости большая система «сама» меняет характер управления собой⁴⁶. В связи с этим меры по укреплению вертикали власти могут лишь усилить центробежные тенденции и явно ухудшить управляемость страной. Тем более, что количество различных одновременно проводимых реформ (административной, пенсионной, жилищно-коммунальной, науки, образования, здравоохранения и т. д.) продолжает увеличиваться. При этом ныне возникшая конкуренция между федеральными чиновниками и полпредами может стать основной причиной провала идеи образования федеральных округов⁴⁷.

Органы государственного управления должны осознать, что управляемые системы в регионах не являются пассивными. Они обладают своими силами самоорганизации, поэтому в них могут существовать лишь такие формы и структуры, которые соответствуют собственным тенденциям развития. Регионам не следует навязывать универсальные, но чуждые и не свойственные им формы организации и пути развития⁴⁸.

Российский федерализм должен предоставить регионам максимальную возможность развиваться в согласии с их внутренними закономерностями, бережно охраняя разнообразные этнические, конфессиональные, социально-культурные стороны их многомерной идентичности.

Государство только тогда может стать позитивно созидательным организмом, когда при множестве идеологий, взглядов, позиций оно будет генерировать понятное большинству населения единое идеополе. Административное же устройство вторично по отношению к экономическому каркасу и служит инструментом реализации политэкономической и геополитической сути создаваемого государства, отраженной в соответствующей идеологии⁴⁹. Здесь федерализм можно определить как геоидеологию крупных или масштабных пространств, стремящихся к самоорганизации или самоструктурированию⁵⁰.

Сегодня в борьбе за пространство доминируют культурно-информационные технологии, цель которых — лишить геополитического противника символического капитала его власти над пространством, в результате чего его политическая элита будет духовно обезоружена, народ — дезориентирован, морально подавлен и сокрушен, лишен духовных ценностей и принципов.

Не случайно в последние годы появилась новая форма осуществления в регионах цивилизационной экспансии — геополитическое миссионерство. Н. А. Трофимчук, М. П. Свищев предлагают следующее его определение: «Геополитическое миссионерство — это деятельность членов религиозных объединений, направленная на переход географических, политических, религиозных и общественных границ для приобщения людей к вере и для распространения иных для данного пространства духовных ценностей или их модернизации, способствующая экзистенциальной и территориальной экспансии Запада в противостоящие культуры и государства»⁵¹. Миссионерская деятельность, по мнению Н. А. Трофимчука и М. П. Свищева, — это одна из форм осуществления цивилизационного контроля над пространством. Миссионер создает не только новый культ, он меняет менталитет народа.⁵² Поэтому вопрос о символическом капитале в геополитике — это прежде всего вопрос о высоком престиже ценностей и принципов, на которых организовано пространство власти, что заставляет живущий на этом пространстве народ уважать существующий политический режим и сложившуюся систему геополитических сил. Как показывает политическая история, путь завоевания символического капитала в геополитике лежит через овладение символизмом культуры и идеологии. Русский символический капитал в геополитике предполагает также веру в возможность последнего слова народа в борьбе за пространство. И чтобы это произошло, духовная элита должна вдохнуть в народ пафос веры и выковать волю к подвигу и победе⁵³.

В настоящее время культура, благодаря коммуникационным технологиям превращается в геокультуру и начинает

играть все более значительную роль в геополитических процессах и стратегической политике государств⁵⁴.

«Наиболее четко мы можем сказать, — пишет Дж. Томплинсон, — что глобализация не только идет с Запада, но и по своей сути является западным проектом. Это означает, что глобализация является продолжением длительного исторического процесса западной империалистической экспансии и представляет историческую модель развивающейся глобальной гегемонии»⁵⁵. Автор видит нерасторжимую связь между процессами глобализации культуры и культурным империализмом. Дж. Томплинсон дает достаточно развернутый анализ проблемы культурного империализма и правильно подмечает, что культурный империализм развивался одновременно с колониализмом⁵⁶.

Таким образом, главный геополитический закон XXI века свидетельствует: тот, кто контролирует источники информации на данной территории, контролирует и саму территорию. Символически капитал в геополитике приобретает значение решающего ноосферного оружия: «тот, кто владеет символическим капиталом культуры, обладает решающими преимуществами в информационном пространстве, а значит, и на геополитической картине мира»⁵⁷.

Только на этой базе может быть выработана геоидеология российских регионов, стремящихся к своей самоорганизации и самоструктурированию, как основа развития подлинно федеральных отношений в стране. В реализации федеральной политики государства необходимо учитывать его геополитическую конфигурацию, социально-экономическую специфику, этнополитические особенности и исторические традиции регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Паин Э. А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004. С. 145–146.
- ² Макарычев А. С. Глобальное и локальное: Меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука. Пространство как фактор политических трансформаций. М., 2003. С. 126–127.
- ³ Сергунин А. А. Внешние факторы регионализации России // Политическая наука. Пространство как фактор политических трансформаций. М., 2003. С. 143.
- ⁴ Дадалко В. Как нам обустроить наши регионы // Фельдпочта. М., 2004. № 41. С. 9.
- ⁵ Каишунина И. В. О влиянии геополитических процессов на развитие местного самоуправления в России // Геополитическая доктрина России: реалии и проблемы выбора. СПб., 2004. С. 223.
- ⁶ Береснев В. Эстония ставит на короля // Ваш тайный советник. М., 2005. № 3 (24 янв.). С. 20.
- ⁷ Текущий архив Законодательного собрания Ленинградской области.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Тезисы неопубликованного доклада коллегии военных экспертов РФ по проблемам национальной обороны, государственной военной реформы и реформы вооруженных сил России // Политический журнал. М., 2003. № 1. С. 76.
- ¹⁰ Коэн С. В Киеве рождается новая мировая «холодная война» // Комс. правда. М.; СПб., 2004. № 232 (8 дек.). С. 3.
- ¹¹ Замятин Д. Н. Политико-географические образы российского пространства // Политическая наука. Пространство как фактор политических трансформаций. М., 2003. С. 34.
- ¹² Ципко А. Можно ли сформировать новую российскую идентичность? // Вестник аналитики. М., 2002. № 2. С. 65.
- ¹³ Митрофанов А. Вопрос номера // Российская Федерация сегодня. М., 2005. № 1. С. 5.
- ¹⁴ Ачкасова В. А. Региональные политические конфликты (российский контекст). СПб., 2002. С. 3.
- ¹⁵ Кадохов В. Вопрос номера // Российская Федерация сегодня. М., 2005. № 1. С. 6.
- ¹⁶ Потанин Г. Н. Областная тенденция в Сибири // Отечество. Краеведческий альманах. Сибирский краеведческий выпуск. М., 1995. Вып. 6. С. 98.
- ¹⁷ Цит. по: Белимов В. Корпорация Урало-Сибирь // Эксперт: Урал. М., 2004. № 15. С. 10–11.
- ¹⁸ Haushofer A. Allgemeine politische Geographie und Geopolitik. Heidelberg, 1951. Bd. 1. S. 16.
- ¹⁹ Ципко А. Указ. изд. С. 64.
- ²⁰ Сергунин А. А. Указ. изд. С. 141.
- ²¹ Медведев Ю. Генетики намерены подарить нам красоту и идеальный характер // Российская газета. М., 2004. № 120 (9 июня). С. 10.
- ²² Дудорова Л. К., Ларионов П. А. Проблемы реализации национальной морской политики России в Арктике // Навигут. М., 2002. № 3. С. 95.
- ²³ Чернов П. В. Новый геополитический передел мира: Что будет с Россией? М., 2003. С. 103.
- ²⁴ Чернов П. В. Россия: этногеополитические основы государственности. М., 1999. С. 242.
- ²⁵ Паин Э. А. Указ. изд. С. 134.
- ²⁶ Метелева С. Вслед за Чечней мы теряем Дагестан // Московский комсомолец. М., 2005. № 29 (10 фев.). С. 4.
- ²⁷ Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. М., 2003. С. 101–102.
- ²⁸ Ципко А. Указ. изд. С. 60–61.
- ²⁹ Зинуров А. М., Зинурова Р. И. Формирование навыков толерантного межкультурного взаимодействия в процессе подготовки специалистов социальной сферы // Этническое самосознание и кросскультурное взаимодействие народов Поволжья. Казань, 2003. С. 81.
- ³⁰ Постнова В. Татарстан в объятиях ваххабизма // Независимая газета. М., 2004. № 261 (30 нояб.). С. 2.
- ³¹ Паин Э. А. Указ. изд. С. 129.

-
- ³² Паин Э. А. Указ. изд. С. 6–7.
- ³³ Гронтмахер Е. Надо ли гнаться за ушедшим поездом? // Независимая газета. М., 2004. № 227 (19 окт.). С. 11.
- ³⁴ Гильбо Е. Перспективы китаизации России // Российская Федерация сегодня. М., 2004. № 13. С. 63.
- ³⁵ Соловьев А. Выступление на встрече за «круглым столом» «Модернизация. Термины и методология. Модернизация в России и роль объединенной Европы» // Вестник аналитики. М., 2004. № 2. С. 215.
- ³⁶ Ларин А. Грозит ли России «китаизация»? // Российская Федерация сегодня. М., 2005. № 3. С. 69.
- ³⁷ Братчикова В. Приморье: местных жителей вытесняют с рынка труда // Парламентская газета. М., 2005. № 30 (16 фев.). С. 16.
- ³⁸ Ларин А. Указ. изд. С. 69.
- ³⁹ Ципко А. Указ. изд. С. 61.
- ⁴⁰ Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2004. С. 139.
- ⁴¹ Милосердов В. Россия в новом году и в XXI веке // Российская Федерация сегодня. М., 2005. № 1. С. 43.
- ⁴² Хазин М. Через двадцать лет Россия исчезнет? // Комсомольская правда. М.; СПб., 2005. № 4 (13 янв.). С. 9.
- ⁴³ Россия исчезнет с карты мира? // Ваш тайный советник. М., 2005. 24 янв. № 2. С. 21.
- ⁴⁴ Система государственного управления / Под ред. Г. И. Грибановой. Сыктывкар, 2004. С. 28–29.
- ⁴⁵ Колесников В. В., Латышов В. Ф., Маркова А. Б. Геополитика и аллокационная функция государства // Геополитическая доктрина России: реалии и проблемы выбора. СПб., 2004. С. 175, 177.
- ⁴⁶ Грязневич В. По законам кибернетики // Эксперт. Северо-Запад. СПб., 2004. № 35. С. 30.
- ⁴⁷ Паин Э. А. Указ. изд. С. 202.
- ⁴⁸ Система государственного управления / Под ред. Г. И. Грибановой. Сыктывкар, 2004. С. 29–30.
- ⁴⁹ Березовский В. Устройство России — с чего начать? // Главная тема — Москва. М., 2004. № 2. С. 182.
- ⁵⁰ Замятин Д. Н. Указ. изд. С. 211.
- ⁵¹ Трофимчук Н. А., Свищев М. П. Миссионерская деятельность: сущность, взаимосвязь с политикой // <http://www.psyfactor.org/extran4.htm> от 07.07.2004. С. 12.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Василенко И. А. Геополитика. М., 2003. С. 141–142, 145.
- ⁵⁴ Андрианова Т. В. Геополитика и культура. М., 2001. С. 4.
- ⁵⁵ Tompkinson J. Internationalism, globalization a. imperialism // Media a. culture regulation. L., 1997. P. 174.
- ⁵⁶ Андрианова Т. В. Геополитика и культура. М., 2001. С. 8–11.
- ⁵⁷ Василенко И. А. Указ. изд. С. 148.

G. Nuryshev

REGIONS OF CONTEMPORARY RUSSIA IN THE GEOPOLITICAL DIMENSION

The influence of modern geopolitical processes on the geopolitical situation of Russia and its regions is considered. The main regional challenges and threats are analysed on the basis of geopolitical approach.